

«ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!»

Ольга Бредникова

Ольга Евгеньевна Бредникова. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований. 191040, Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 87, офис 301. bred8@yandex.ru.

Создание социальных границ — основа упорядочивания социального мира, ибо воображаемые заборы и преграды играют критическую роль в конструировании социальной реальности. С их помощью мы производим значимые социальные единицы, такие как семья, нация или этническая группа, «свой круг» и так далее.

В случае государственных границ подобные ментальные заборы зримы и очевидны. Условные линии границ становятся слишком явными посредством колючей проволоки, контрольно-следовой полосы и строгих правил или ритуалов их пересечения. Пересекая границу, мы перемещаемся не только и не столько в пространстве, сколько в социальной реальности, так как сам переход воспринимается нами как некий «ментальный квантовый скачок» или как смена фреймов (Гофман 2004), которые характеризуются не столько содержанием, сколько «различными скобками, в которых трансформируется значение содержимого» (Zerubavel 1991: 10–11). «Скобки» социальной реальности в виде государственных границ не только обозначают зону контроля другого государства, но и определяют наше восприятие этого пространства как отличного от нашего. Пересечение какой бы то ни было границы, и границы государства особенно, обостряет и провоцирует внимание к инаковости, побуждает к поиску отличий, подтверждающих факт такого пересечения и того, что за шлагбаумом или забором действительно «другой мир». Для туриста или, скажем, социального исследователя, коими мы одновременно (чего уж там!) и являлись, пересечение границ — особое удовольствие, ибо оно обещает новые впечатления, приключения и знания.

Глория Анзалдуа писала о том, что в приграничье существуют довольно тонкие способы переопределения реальности и интернализации идентичностей (места и себя), которые проявляются в различных формах имиджей, эмоций и переживаний, в частности вдруг актуализируется значение запахов или вкуса еды (Anzaldúa 1999: 83). Еда в Абхазии — это большая и отдельная тема, о которой можно говорить много и с удовольствием. Сейчас меня интересует другое. Толчком к ощущению «инаковости» для меня стало неожиданно новое переживание времени. Попытаюсь сформулировать эти ощущения.

БЕЗВРЕМЬЕ

Самое первое впечатление от Абхазии — «здесь остановилось время». Оно появляется практически сразу же после пересечения границы, когда отходишь чуть в сторону от приграничной площади, где еще всю кипит жизнь. Однако уже буквально через несколько шагов кажется, что ты попал в некое безвремя — туда, где времени просто нет. Почти смешно, но все мы, по очереди попадая в эту «временную яму», опаздывали к ежедневным семинарам. Безусловно, во многом такое впечатление об «остановке» времени вызвано той самой пресловутой разрухой, которая просто бросается в глаза и впечатления от которой мы неоднократно обсуждали. Полуразрушенные дома, внутри которых уже успели вырасти деревья, безжизненно повисшие ржавеющие кабинки канатной дороги, мертвый гагрский парк с рассыпающимися прямо на глазах скульптурами — все это свидетельства внезапной остановки некогда кипучей жизнедеятельности. И привычная схема восприятия времени посредством биографической метафоры, согласно которой время всегда и для всех / всего течет от «рождения» до «смерти» (Нестик 2003: 14), здесь подводит нас именно к ощущению «смерти», за пределами которой оно не просто остановило свой бег, но «закончилось», «исчерпало себя». Дальше уже «ничего не будет», и это «ничего» — отсутствие изменений. Даже разрушение, будучи все-таки процессом, здесь кажется каким-то статичным. Абхазские развалины — это замершие руины.

Уже сейчас, размышляя над этими своими впечатлениями, я вдруг четко осознала, насколько представление о течение времени неразрывно связывается с людьми. И именно их присутствие или следы недавней активности создают ощущение временного движения. Люди «делают» время не только и не столько тем, что каким-то образом структурируют некую продолжительность и тем самым упорядочивают социальную жизнь, сколько «производят» его просто своим присутствием или участием. А здесь, как казалось вначале, «времени нет». Точно так же, как его нет в безлюдной пустыне, «безжизненных» горах или в тех же руинах, ибо там «силы природы начинают господствовать над созданием рук человеческих: равенство между природой и духом, которое воплотилось в строении, сдвигается в пользу природы» (Зиммель 1996: 227).

Интересно, что такие ощущения пропадают тотчас же, когда на фоне побеждающей силы природы вдруг появляются люди или когда перемещаешься из «притихшего» селения или «осиротевшего» без туристов парка в обитаемые пространства. Очарование руинами, о котором писал Зиммель, безвозвратно исчезает, и они уже перестают быть таковыми, превращаясь в следы «разрухи», свидетельство человеческой активности или же, напротив, пассивности и неучастия. И в такие моменты кажется, что «безвремя» закончилось и время с новой силой начинает свое разрушительное и одновременно созидательное движение.

В данном случае меня, циничного социолога, интерпретирующего все через призму социальных отношений, удивила собственная готовность рассматривать социальное исключительно как «натуральное». Более того, подобное «выпадение из времени» и «натурализация» окружающего доставляли несомненное удоволь-

стве. Это было удовольствие туриста, ищущего впечатлений прежде всего в инаковости. Недаром сейчас такой распродаваемой инаковостью становится «уникальность природы Абхазии» — самый популярный ныне распространяемый извне (во всяком случае в России) бренд страны. Достаточно просмотреть рекламные листовки или слоганы любой туристической компании, предлагающей туры сюда. В этой связи нельзя не процитировать нашего приятеля Алика, жителя приграничного с Абхазией российского поселка Веселый, который на вопрос о том, часто ли он бывает в соседнем государстве, ответил: «Конечно! Я вообще люблю природу».

ОТСТАВАНИЕ

Другое ощущение «инаковости времени» возникает несколько позже, когда окунаешься в обыденную жизнь. В Гагре довольно скоро появилось ощущение, что время не «остановилось», но отчего-то чуть замедлило свой бег. Оно будто немного подзадержалось, и мы вдруг оказались в своем же прошлом. Мы, которые, как нам кажется, уже так лихо распрощались с этим самым прошлым, здесь активно выискивали его приметы и в то же время дистанцировались от него. И такое дистанцирование шло прежде всего через «сувениризацию», когда знакомые и родные ранее предметы воспринимаешь лишь как маркер прошлой жизни, кусочек истории, от встречи с которым появляется та самая ностальгия, которая во многом вовлечена в производство дистанции и отграничения. С каким удовольствием мы выискивали и вылавливали приметы советскости! Какую радость, например, доставила выставленная на продажу в магазине та самая хорошо знакомая школьная форма семидесятых-восьмидесятых или, скажем, топорный и блеклый, остро пахнущий пластмассой, однако столь желанный в детстве игрушечный танк с красной звездой на башне. Не менее часто глаз натывался на приметы более поздней, так называемой «перестроечной» эпохи. Полупустые рыночные прилавки, ларьки со «слишком широким» ассортиментом (от жвачки и колы до электрической лампочки и тетради), которые долгое время заменяли нам «нормальные» магазины. Впрочем, такое зрелище уже менее оптимистично и жизнеутверждающе, возможно, потому, что это время чуть ближе к нам и еще чуть более памятно и болезненно нищие девяностые...

Помимо материальных свидетельств времени, довольно часто и отношения воспринимались и трактовались нами из перспективы временного движения и развития, как маркеры прошлого — советского или перестроечного. Несколько подзабытое, хотя все еще привычное и, по сути, безобидное хамство в магазинах или невнимание к клиентам в кафе вызвали однозначную интерпретацию — «совок!». Кстати, такие отношения удовольствия отнюдь не приносили. Отчего-то они вызвали сильное раздражение, в то время как вещи ушедшей эпохи превратились в сувениры и тем самым стали радостью или знаком доблести туриста. Очевидно, такие различия в восприятии вызваны тем, что вещная среда обновилась рано и кардинально, в то время как развитие и «перезагрузка» отношений — более медленный и сложный процесс. И мы до сих пор отчасти живем в этих отно-

шениях, вопреки попыткам преодоления еще не расстались с ними окончательно. Оттого-то их присутствие более болезненно и неприятно, и марксовы идеи об отставании производственных отношений от развития производительных сил здесь вполне могут быть обобщены и распространены на трансформацию вещной среды и социальных отношений в целом.

Интересно, что отклонения от привычных и / или ожидаемых контрактных капиталистических отношений («утром деньги — вечером стулья!») интерпретировались не как их иная возможная форма, а тоже как некая «совковость» и потому «отставание». В частности, денежные и, казалось бы, деперсонализированные отношения зачастую оказывались лично вовлеченными и потому «не нормальными». Так, когда мы надеялись «просто» купить какую-либо услугу (скажем, снять жилье или посетить музей), то хорошо знакомые, определенные и предзаданные роли и модели поведения все время «взламывались» личными отношениями. Например, хозяева снятой нами квартиры считали возможным или даже необходимым «дружить» — регулярно без приглашений приходить в гости, устраивать совместные ужины, тем самым бесконечно взламывать чужую приватность. Хозяйка частного музея на вопрос о стоимости билета, внимательно оглядев нас и прикинув финансовые возможности, ответила: «С вас по десять рублей». С одной стороны, сэкономить было вовсе неплохо. С другой — мы оказывались вовлеченными в совершенно иное взаимодействие, нежели понятные и предсказуемые отношения между «посетителями» и «смотрителями» музея. В данном случае правила игры не были определены, они могли постоянно изменяться, и для участников взаимодействия возникали новые неожиданные взаимные обязательства. Так, если бы мы «просто» купили билеты в музей по фиксированной цене, то точно знали бы границы дозволенного, иными словами — свои права и обязанности. В случае же «завязывания личных отношений» от нас ожидали такого же «шага навстречу» — не мешать, уйти побыстрее, помочь по хозяйству и так далее. Сейчас, спустя какое-то время, мне представляется, что подобные стратегии взаимодействия — не что иное, как формирование особых форм контрактных отношений, дающих дополнительные гарантии и возможности для манипулирования и контроля. Тогда же однозначно казалось, что вовлечение личных отношений в формальные правила — наследие советского прошлого, когда подобные стратегии оказывались не просто более эффективными и надежными, но, по большому счету, единственно возможными.

Справедливости ради надо сказать, что в то же самое время мы были, конечно же, и в «нашем настоящем», так как во многом контексты — товары, реклама и бренды, стили одежды и марки машин, культурные коды и модели взаимодействия — были современны и привычны. Однако, не замечая привычное, мы видели и отмечали лишь инаковость, отличия, и глаз старательно выискивал и вытаскивал их из разнообразия повседневной жизни.

Ощущение «отставания во времени» вызвано прежде всего привычным восприятием его линейности. Для нас время течет целенаправленно, движется из пункта А в пункт Б. Как писал Зиммель, «временное единство [...] легко распадается на ряды, состоящие из “до” и “после” [...] Одновременность всегда симво-

лична, она конструируется культурой, чтобы придать длительности исторический смысл» (Зиммель 1996: 524; 528–529). Конечно, жители Абхазии — наши современники, однако в механизмы взаимной типизации оказывается вовлечен некий временной вектор развития, и мы размещаем себя и Другого на «исторической линейке». Пожалуй, подобное восприятие Другого во многом спровоцировано и усугубляется общим бэкграундом, разделенным советским прошлым. Переструктурирование советского (так или иначе гомогенизированного) пространства, его переопределение актуализировало не только различные культурные коды, но и параметр времени. Точно так же, как и в Абхазии, жители приграничных городов Ивангорода и Нарвы, расположенных на российско-эстонской границе, определяют появившуюся границу национальных государств не только и не столько через категории культуры, но и как «границу времени». Так, оказывается, что Нарва «далеко ушла вперед!» (из разговора с женщиной на эстонском КПП). Оказывается, что время по обе стороны границы «течет» с разной скоростью, хотя все-таки всё и все «движутся» в одном направлении.

Стоит обратить внимание на то, что перспектива «отставания во времени» задается не только праздными приезжими, колонизирующими и экзотизирующими пространство. Подобная интерпретация диалогична. Она возникает не только как навязывание «извне», но и в «процессе переговоров», как некое самописание и самоопределение. На мой взгляд, отличной иллюстрацией этого тезиса может выступать следующая цитата из абхазской газеты: «Сейчас даже поверхностному взгляду заметно, насколько мы *отстаем* от соседнего Краснодарского края, а ведь всего 15 лет назад Абхазия была одной из наиболее благоприятных республик Советского Союза» (Венедиктова 2005: 5) (здесь и далее курсив мой. — *О.Б.*).

«НАЦИОНАЛЬНОЕ» ВРЕМЯ

Итак, существует большой соблазн рассматривать это пространство как некий заповедник или музей, в котором время законсервировано и выложено на прилавках для алчущего сувениров туриста. Однако, безусловно, все немного сложнее. Государство развивается, и, конечно же, нельзя говорить ни о какой законсервированности и заповедности. Здесь инаковость пространства в не меньшей и, возможно, даже в большей степени прочитывается в маркерах, знаках и символах национального. Так, яркая абхазская символика, помпезные мемориалы и частые рассказы о войне, школьные уроки истории Абхазии и книги абхазских поговорок на прилавках книжных магазинов — все это кирпичики в производстве нации и национального государства и соответственного пространства «инового».

Бенедикт Андерсон писал, что время (например, в виде календаря) вовлечено в «воображение сообщества» (Андерсон 2001). В случае Абхазии справедливость этого тезиса вполне очевидна. «Игры со временем» активно участвуют в конституировании «национального пространства», в нациестроительстве. Достаточно иллюстративный пример — дискуссия в абхазских газетах о переводе часов на зимнее и летнее время. В статье, опубликованной в газете «Эхо Абхазии»,

приводятся аргументы в пользу того, чтобы перейти на летнее и зимнее время «вместе с Россией». Вот наиболее значимые для автора статьи доводы:

Как я недавно узнал, в Грузии в этом году принято решение точно так же, как в Абхазии, не переходить на зимнее время, то есть время летом у них тоже будет московское, а зимой опережать московское на час. И зачем нам надо так синхронизироваться с Грузией?! [...] Разница во времени в течение полугода [...] отгораживает Абхазию от России [...] В результате те, кто посчитал за большой труд передвигать стрелки Абхазии два раза в году, заставляют это делать наших граждан, переходящих российско-абхазскую границу, множество раз [...] Кроме того, мы смотрим российские телеканалы. Когда в программах одно время, а на наших часах другое, это оказывает отрицательное воздействие на нас и создает ненужную путаницу (Маршан 2005: 2).

Пожалуй, в данном случае более интересен не сам факт «игр со временем». Прежде всего, представляется важным реконструировать используемые отсылки. Здесь безусловными ориентирами, рамками для сравнения и сопоставления становятся Россия и Грузия. Пока в дискурсе нациестроительства явно доминируют эти два полюса притяжения / отторжения. Однако представляется, что это лишь начальный этап формулирования себя. Чуть позже можно будет наблюдать, как эти рамки трансформируются. Уже сейчас появляются новые геополитические или культур-географические категории и наименования, которые, безусловно, расширяют заданные прежде рамки ориентиров (например, «Евровосток» или «транскавказская железнодорожная магистраль» (Форум. 2005. 17 окт. № 26), отражающие постепенное вовлечение Абхазии в постнациональные и глобальные перспективы.

Так или иначе, Абхазия, будучи вовлеченной в процессы нациестроительства и процессы глобализации, находится в поисках собственной уникальности. При этом уникальность формулируется исключительно через обращение к традиционализму: «Житель страны Абхазия, как правило, чувствителен к красоте, а когда повсеместно меняется облик небольшого государства, он впадает в восторги перед заморскими диковинками и забывает на время *родину очажной цепи и буйволиного молока*, показавшуюся вдруг убогой и сиротливой» (Новый день. 2005. 7 окт. № 34 (54)).

В этой связи встает вопрос, на который я пока не нашла ответа. Сейчас, как правило, и в проектах по нациестроительству, и при формировании локальности в условиях глобализации идет обращение к «традиционному», в «глубину веков», в прошлое. Интересно, а когда и при каких обстоятельствах производство уникальности возможно во времени настоящим?

«ДРУГОЕ» ВРЕМЯ

Справедливости ради стоит заметить, что ощущение «инаковости времени» вызвано не только государственной границей, меняющей фрейм, «скобки» социальной реальности. Абхазия стала для нас «иным пространством» или простран-

ством с «другим» временем еще и потому, что она выступала в качестве рекреационной зоны, пространством отдыха. И время здесь значительно отличалось от нашего обыденного и рутинного «времени дома», которое структурировано прежде всего трудовой деятельностью, ее жесткими режимами и ритмами.

В Абхазии же мы были «отдыхающими» и наша активность предопределялась этой ролью. День структурировался другими событиями и другой, непривычной, деятельностью. Оттого-то и ощущение времени здесь было иным. Однако отчего-то скорость его течения ничуть не сбавилась, оно бежало довольно быстро, зачастую даже быстрее, чем дома. Оказалось, что жизнь отдыхающего наполнена многочисленными требованиями и «обязанностями», и надо было много чего успеть — сходить на рынок за фруктами и запастись ими на целый день, искупаться-прогуляться-пообедать, съездить на экскурсии и взглянуть на туристические достопримечательности, съесть мороженое и выпить чашечку кофе, потом опять загорать-купаться, после чего, переодевшись, можно красиво отужинать, неспешно прогуляться по набережной, прицениваясь к сувенирам, и планировать следующий не менее насыщенный день... И хотя «набор» активностей и занятий курортника или туриста ограничен, жажда новых впечатлений заставляет его часто менять вид деятельности, что, собственно говоря, и убыстряет время. Впрочем, такой отдых тоже возможно рутинизировать, сделать привычным и размеренным и тем самым замедлить течение времени.

Об инаковости времени в этом курортном пространстве можно говорить и в других масштабах. Так, календарный год здесь структурирован курортным / некурортным сезонами. В отличие от привычных представлений о временах года в Абхазии выделяют всего два. Кстати, здесь так и говорят — сезон / не сезон, и такая специфика структурирования времени существует не только для праздных туристов, бывающих в Абхазии «наездами», но и для местных жителей. Как говорил один наш информант, «живем от сезона к сезону».

Вопреки государственным границам, курортное пространство (с иным «курортным временем») оказывается общим, единым. Оно по-прежнему то самое, хорошо известное с советских времен «черноморское побережье Кавказа». И вполне объяснимо, что на новых, уже постсоветских картах, бесконечно тиражируемых для вновь прибывающих отдыхающих, граница двух национальных государств представлена как не слишком важный и отчетливо прочерченный элемент. Более значимой оказывается «объединяющая» линия побережья, игнорирующая перпендикулярную прерывистую линию границы.

В заключение приведу цитату из работы «Другие пространства» Мишеля Фуко, который пишет, что «в наши дни нас беспокоит скорее вопрос пространства, чем вопрос времени; время, вероятно, предстает всего лишь как одна из разновидностей возможного взаимодействия между перераспределяющимися в пространстве элементами» (Фуко 2006: 193). Оставив в стороне принципиальный вопрос о большей или меньшей значимости пространства и времени в конституировании социальной реальности, нельзя не согласиться с тем, что в рассматрива-

емом случае «игры со временем» оказываются вовлеченными, значимыми элементами «производства» пространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон, Бенедикт. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Венедиктова, Н. 2005. Не спрашивай, что сделали для тебя другие. Спроси, что ты сделал для себя сам? // *Эхо Абхазии*. 42 (506): 5.
- Гофман, Ирвинг. 2004. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение».
- Зиммель, Георг. 1996. Руина // *Избранное. Том 2. Созерцание жизни*. М.: Юрист: 227–223.
- Маршан, Д. 2005. Абхазии — московское время // *Эхо Абхазии*. 42 (506): 2.
- Нестик, Т.А. 2003. Социальное конструирование времени // *Социс* 8: 12–21.
- Фуко, Мишель. 2006. *Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3*. М.: Праксис: 191–204.
- Anzaldúa, Gloria. 1999. *Borderlands: The New Mestiza / La Frontera*. San Francisco: Aunt Lute Books.
- Zerubavel, Eviatar. 1991. *The Fine Line: Making Distinctions in Everyday Life*. New York: Free Press.